

УРОКИ ДОБРА

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

...На деревьях растут цветы, напоминающие бабочек. Ночью они светятся, как маленькие луны. В хижине живут мужчина, женщина и мальчик. На наших глазах совершаются удивительные вещи: впервые на земле женщина приручает дикого пса и дикие травы. Дикий конь, который умеет «играть в пространство», и дикая корова, «умеющая играть в раздумье» и, разумеется, давать молоко, впервые дарят людям свою дружбу. Тигр благодаря собственной глупости впервые становится полосатым. Мальчик впервые изображает свои мысли на стене в виде рисунка — так рождается искусство. И только кошка гуляет сама по себе, не хочет никого знать, со всеми ведет дискуссию, «переворачивает то, что переворачивается», т. е. ставит с ног на голову все нравственные истины и думает только о самой себе: «По моему, по моему, нужно жить по-своему»...

В результате ряда происшествий выясняется все же, что «человек свободен только тогда, когда он кому-нибудь нужен», и что можно жить по-своему и думать о других. Ну, конечно же, это известная сказка Р. Киплинга, превратившаяся в спектакль «Кошка, которая гуляла сама по себе».

В. Сухомлинский писал, что, наверное, это одна из наиболее трудных вещей в нравственном воспитании: учить человека делать добро и вместе с тем избегать прямолинейных советов — делай, вот так! Этим трудным искусством владеют Ленинградский театр юных зрителей и его главный режиссер З. Я. Корогодский, сочетающий «поэзию педагогики» с щедрой театральной фантазией и артистичностью. А главное, исповедующий одно очень простое правило, которое знала еще античность: «Детству следует оказывать величайшее уважение».

Утверждение высокого достоинства детства, отрочества, юности — прекрасной, но и самой ответственной поры жизни, когда определяется характер, а за ним подчас и человеческая судьба — составляет пафос творчества Ленинградского театра юных зрителей. Он исходит из того, что не только мы воспитываем маленького человека, но при этом, а порой и критический взгляд ребенка воспитывает и нас.

«Глазами подростка и театра» — так, пожалуй, можно было бы назвать спектакль «Открытый урок», где в веселом ритме как бы шуточного обозрения, сменяющих друг друга кратких этюдов-наблюдений возникает перед нами это далеко не шуточное credo труппы: говорить на равных со своим зрителем и говорить правду, превращая при этом нравственную идею в театрально-увлекательное представление. Не потому ли спектакли театра с равным удовольствием смотрят дети и взрослые? Впрочем, это было завещано детскому театру еще Станиславским в «Синей птице». Ленинградский ТЮЗ каждый раз заново «изобретает» спектакль и каждый раз уславливается с залом о новом язы-

ке, на котором он будет с ним говорить.

Ну, вот, скажем, революционный детектив «Месс Менд», написанный когда-то Мариэттой Шагинян. Я помню, когда читал его мальчишкой, мне было так страшно, что я поджидая, сидя за столом, ноги, чтобы меня не схватил страшный маг Чиче. Как это ставить сегодня? Изобретается иронический жанр «суперэкстрашамфильма», где в бешеном ритме «великолепная тройка» американских парней, которых лихо изображают Н. Иванов, А. Хочинский и И. Шибанов, совершая с десяток сценических неожиданностей в единичное время, разоблачают Чиче и его покровителей, а заодно и некую мисс Элизабет Вессон. А. Шуранова с азартом делает в этой роли смелые акробатические кульбиты, и это сочетание душевной глубины актрисы и присущей ей обычно спокойной, певучей женственности с такой неожиданной отвагой радовало нас, ибо вполне отвечало нашим представлениям о требовании, предъявляемому к современному актеру. Затем А. Шуранова снова возвращалась «на круги своя» и становилась Донной Анной и, проще говоря, учительницей французского языка Анной Александровной Окуновой в драме А. Курганникова «В гостях у Донны Анны».

Пьеса эта куда слабее возможностей театра и его актеров, но она дает все же повод пусть бегло, но взглянуть на тот важный переломный момент, когда вчерашние мальчики и девочки, только что окончив школу и собравшись на традиционный сбор в доме своей учительницы, обнаруживают первые результаты их взрослой жизни: кто преуспел, кто претерпел, — стали определенной характеры и судьбы.

И «Месс Менд», и «Донна Анна» со всеми ее несовершенствами, и лесная сказка «Бемби», и стихи скоромного действия в «Потешках» есть, говоря словами Белинского, «наполненные хорошим». Оно ведет или, вернее, может привести к совершению того решающего поступка, в котором скажется весь запас деятельной нравственности, полученный юными зрителями на театральном «старте».

Мы подошли к двум кулиминациям в репертуаре Ленинградского ТЮЗа, к двум важным драматическим исследованиям, в одном из которых речь идет о подвиге, в другом — о преступлении.

Документальная драма В. Долгих возникла из известного очерка К. Симонова в «Комсомольской правде», писавшего о гибели в июле 1972 г. рязанского комсомольца Анатолия Мерзлова: он сорвался, пытаясь спасти пшеничное поле, которому грозил запылавший трактор. Автор и театр подробно расспрашивали всех, кто имел отношение к происшедшему, изучали письма, полученные редакцией после напечатания очерка. Так родилась пьеса, а затем и спектакль, подобного

которому я, пожалуй, еще не видел.

...На сцене одинокий телеграфный столб, как бы «свидетель» катастрофы, запыленный мотоцикл, потрепанный колхозный газик и деревянные фигурки игрушечных лошадей — знаки детства и юности погибшего парня. Звучат интервью близких, письма, комментарии театра — своеобразная «партитура» В. Долгих и З. Корогодского.

Мы слышим монолог актрисы, рассказывающей от имени матери, как ее сын в течение двух недель, пока он еще жил после смертельного ожога, ни разу не пожаловался на страдание, ни разу не пожалел о том, что сделал. Незнакомые люди после его смерти не только писали, но и приезжали в село Прудские выселки, где он жил и умер. И вдруг письмо некоей Оли Жуковой: «Молодой парень вдруг отдаст свою жизнь за какую-то груду железа с мотором... Как же это можно? Не думайте, что я осуждаю поступок Анатолия. Он совершил подвиг, но... ради железки? Нет, не понимаю. Может быть, я не права?»

В зале стихийно возникает диспут — не испечено-ванный, не разыгранный актерами, — доподлинный, сиюминутный и необычайно открытый. Находятся и сторонники О. Жуковой: «Действительно, целесообразно ли? Рентабельно ли?» Непростительное донкихотство или героизм?

Когда выясняется, что многие уже в Прудских выселках забыли Мерзлова, а колхозная бухгалтерия вычла из заработка матери сто рублей, выделенные на похороны, диспут разгорается еще больше. Зал вслух размышляет об истоках героизма и равнодушия. Подобно хронике, включенной в художественный фильм, этот живой диспут входит в единую эстетическую систему спектакля. Мне давно так не было интересно в театре.

«Перенесите меня ближе к окопу», — говорил уже в бреду Анатолий Мерзлов, умирая. Откуда пришла эта фраза? Из фильма, из виденного спектакля? Из рассказов о боях, которые шли за его село? Из того, что он почувствовал себя солдатом, спасая хлеб? Таков был вывод зала. Героизм не расчетлив, это мгновенное побуждение всего существа сделать то, что в эту минуту необходимо сделать, если ты подготовлен к этому всем ходом своей жизни. Героизмом это уже называется потом... Но бывает и совсем иначе...

«Остановите Малахова» — пьеса Валерия Аграновского, сделанная по его же документальным очеркам в «Комсомольской правде». З. Корогодский как постановщик здесь аскетически строг: только факты, люди и в центре — поразительный молодой актер А. Шевелев, играющий Малахова. Анализируются многие элементы малаховской судьбы — от родительского разла-

да, «законов улицы» до отступничества той стройной девочки, за которую он, не задумываясь, бросился в драку один против всех. И, конечно же, его собственная вина: он сделал выбор! Это жесткий, предупреждающий спектакль. Он как-то неуловимо перекликается с «Кошкой, которая гуляла сама по себе». Документ и сказка?

А что? Если так вот «гулять самим по себе», забыв, что рядом с тобой люди, можно оказаться в одной компании с Малаховым.

Единую художественную программу несут прекрасные артисты Ленинградского ТЮЗа. И первой здесь должна быть названа актриса Ирина Соколова. Я видел ее в ролях мальчишек и столетних старух, пугливого олененка Бемби, обольстительно-опасной киплинговской кошки и даже самого великого мага Чиче. Что еще принесет нам с собой ее «магическое» изящное искусство?

Кроме А. Шурановой, актера и певицы театра А. Хочинского, разнообразного И. Шибанова, А. Шевелева-Малахова, мною был упомянут в одной из ролей Н. Иванов. Это артист, который с равным успехом может быть на сцене шутом, эксцентриком, выступать в роли, исполненной гражданской энергии и страсти, словом, по праву являться ведущим актером труппы.

Нельзя не почувствовать и дарования совсем молодых: Т. Кудрявцевой, М. Старых, С. Пряженкова, О. Лысенковой, Н. Боровиковой, которая с равным успехом выступает как актриса и певица, и столь же универсального И. Овадися.

Спектакль «Наш пирк», где молодые артисты балансировали на воображаемой проволоке, играли воображаемых львов и пингвинов, были наивны, как дети, серьезны, как циркачи-профессионалы, гибки, как акробаты, праздничны и воодушевлены идеей интернационального братства «международного представления» — этот спектакль показал, на каком достойном уровне Ленинградский ТЮЗ готовит свое молодое пополнение.

...В. Сухомлинский рассказывал, что при его школе была так называемая «комната мечты». Здесь читали, спорили, говорили о том, как представляли себе жизнь. Было условлено: если ученики верили в то, что говорил им учитель, они приносили из школьной теплицы вазу с хризантемами. Здесь были свои тонкости: красный и розовый цветок означал всеобщее воодушевление, радость; синий — тревогу, голубой — грусть; желтый — длительную разлуку с кем-нибудь из товарищей. Но был в теплице куст, на котором росли фиолетовые цветы. Это был цветок обиды.

— Учитель, вы обидели, вы разочаровали нас, — означал такой цветок в вазе. На гастролях Ленинградского ТЮЗа я не заметил ни одной фиолетовой хризантемы.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ.

Заслуженный деятель искусств РСФСР.